И нача со древа спущатися книзу плачущи, с ветви на ветвь скачущи.
Объятися[1] отверсти ми потщился запел, а [в]о слезах своих едва и свет узрел.
И хотел боло скочити на траву, а лисица не обленилась, подставила ему свою главу.
И рекла ему: «Благое дело избрал еси, чадо, вниди ныне во избранное мое стадо».
И прием его во свои когти, да влепила в него и нохти.
Таже зверовидно на него взгленула, а кохтями своими крепко ево гнетнула.
И кур бедны необычным гласом завопил, а слезами наипаче землю потопил,
Страхом весь вострепетал, и болезненно возстонал,
И от той болезни едва уста своя развлече и плачевным гласом к ней рече:
«О, возлюбленная моя мати, такои ли ты мне обещала благодати?
Того ли ради изволила меня призывати, еже меня грешнаго тако сокрушати?
То ли твоих сладких глагол збытие, что меня грешнаго (об.) проводиш в небытие?
Таковаго ли воздаяния чаеши от бога, еже меня губиши нища и убога?
Чем я тебе оскорбил, или чем милость твою раздражил?
А ты сама меня изволила знать, кому бых досадил, или каковую обиду кому учинил.
Я же у тебя ни жилища отнял, ни насилие какое устроил.
За что меня смерти предаеши, и безвинному суду погибелную горесть подаеши?
Аз боло во умиление одеяхся, и тобою спасен быти надеяхся.
Аз чаях истинная ты покаянию моему проповедница, а не думал, чтобы ты такая была прелестница.
И ты толко меня оболстила, а не во грехах моих простила.
Изволь ко мне бедному милость свою показати, и винность мою нескрытно мне сказати.
И дажд ми хотя малую отраду, и от кохтеи твоих острых ослабу».
Лисица на него зубами своими скрежеташе, и зело яростно на него зряше.
Челюсти своя развергаше и скоро сожрати его хотяше.

[1] Объятия Q. XIV. 27.